

Евгений Клюев

от клубка

до

праздничного
марша

Серия «Сто и одна сказка»

Книга вторая

Перед вами давно обещанная — вторая — книга из трёхтомника под названием «Сто и одна сказка». Евгений Клюев ещё никогда не собирал в одном издании столько сказок сразу. Тем из вас, кто уже странствовал от мыльного пузыря до фантика в компании этого любимого детьми и взрослыми автора, предстоит совершить новое путешествие: от клубка до праздничного марша. В этот раз на пути вас ждут соловей без слуха, майский жук, который изобрёл улыбку, каменный лев, дракон с китайского халата, маленький голубчик и несколько десятков других столь же странных, но неизменно милых существ, причём с некоторыми из них вам предстоит встретиться впервые.

Счастливого путешествия — и пусть оно будет долгим, несмотря на то, что не за горами уже и третье путешествие: от шнурков до сердечка!

от клубка
до
праздничного
марша

КЛУБОК КОТОРЫЙ КАТИЛСЯ

Когда некоторые (не очень хорошо воспитанные) граждане говорят кому-нибудь: «Катись отсюда!» — они, конечно, не представляют себе, что их предложение будет принято, слишком уж оно обидное, это предложение... Обычно предложений таких никто и не принимает, то есть не катится никуда и никогда, а вовсе даже, наоборот, остаётся на месте и старается придумать в ответ что-нибудь похлеще, чем катись отсюда, — причём, как ни странно, чаще всего придумывает! И тогда возникает ссора, а ссора — это уж совсем последнее дело.

Что касается Клубка-Шерстяных-Зелёных-Ниток, то он ссор не любил — и в ответ на чьё-то (не помню уже чьё!) *катись отсюда* действительно взял да и покатился, как ему было предложено. Свидетели этой сцены даже рты раскрыли от изумления... я имею в виду, конечно, только тех свидетелей, у которых были какие-нибудь рты. Но Клубок-Шерстяных-Зелёных-Ниток и не взглянул в их сторону, вознамерившись катиться без оглядки: так сильно он обиделся.

А вам, разумеется, известно, что происходит с любым порядочным клубком, который так сильно обиделся и который вознамерился катиться без оглядки? Увы, он раз-ма-ты-ва-ет-ся. То есть, как бы даже и перестаёт быть клубком — правда, сначала это не очень заметно, зато потом становится очень заметно, а ещё через некоторое время — очень и очень заметно. Когда же клубок перестаёт быть клубком, он,

извините, гибнет. Причём гибнет без-воз-врат-но — превращаясь просто в длииинную такую ниточку соответствующего цвета. И смотреть на всё это без слёз невозможно. Если, конечно, есть кому смотреть. В нашем случае кому смотреть — было.

— Эй-эй-эй, осторожнее, Вы гибнете! — крикнул вслед катящемуся Клубку-Шерстяных-Зелёных-Ниток случайный один прохожий и даже побежал было за ним, чтобы прекратить немедленно ужасную эту гибель, да где там! Клубок-Шерстяных-Зелёных-Ниток катился так быстро, что догнать его не могли бы и сорок случайных прохожих! И тогда нашему одному случайному прохожему пришлось, остановившись, просто смахнуть слезу со щеки, потому что, как мы хорошо помним, смотреть на гибель клубков без слёз... и так далее.

«Ну и пусть я гибну!» — упрямо размышлял Клубок-Шерстяных-Зелёных-Ниток, постепенно превращаясь в длииинную такую ниточку соответствующего (зелёного) цвета. Ниточка терялась в зелёной траве — и постепенно становилось понятно, что наш клубок решил погибнуть навсегда, потому как отыскать зелёную ниточку в зелёной траве никому не под силу!

— Да что ж это делается-то! — заверещал гуманный какой-то Чертополох. — Он ведь размотается весь, а потом поминай как звали!

«Клубок-Шерстяных-Зелёных-Ниток, вот как звали!» — мрачно думал клубок, катясь и катясь дальше по аккуратно подстриженной траве. Конечно, это был уже не совсем клубок — даже и совсем не клубок это был, а так... моток, моточек бесформенный, ему и катиться становилось всё тяжелее: круглым — им что, им катиться легко, а вот вы попробуйте катиться, когда от круглости и следа не останется! Трава теперь казалась клубку страшно высокой, сил приходилось тратить всё больше — даже дышать сделалось трудно, вот оно как...

Да и обида начинала забываться — сначала невозможно стало вспомнить, кто именно сказал *катись отсюда*, потом возникли сомнения в том, что это вообще было сказано... тем более что надо быть совсем уж каким-то диким, чтобы такое произнести! Может, вообще всё это просто померещилось ему в те далёкие времена, когда он ещё был клубком?.. Вспоминалась же, хоть и смутно, хорошая одна компания, в которой все были друзья, жили мирно и весело... Правда, он забыл имена друзей — и как выглядели друзья, тоже забыл.

Кончик шерстяной зелёной ниточки мелькнул в невысокой траве — а вместе с ним мелькнуло и угасло последнее воспоминание о каком-то совсем уже пустяке, приятном и отрадном. Вот и жизнь прошла. Закончилась. Прощайте все.

Впрочем-впрочем-впрочем...

Снова мелькнул в невысокой траве кончик шерстяной зелёной ниточки, а сама шерстяная ниточка сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее поползла в обратном направлении. И раньше всего вспомнилось какое-то странное слово «шарф», но что означало слово «шарф» — этого не мог знать кончик шерстяной зелёной ниточки: ещё бы, шарф — понятие длиииииинное! А потом вспомнились две сестры — взрослые сёстры-близнецы, такие утончённые, такие изысканные... И такие блестящие — прямо-таки ослепительно блестящие, хоть и всегда за работой. Как же их звали... ах да, Спицы! И вспомнилась Бархатная Подушечка, весело утыканная младшими сёстрами двух взрослых сестёр-близнецов — младшие сёстры тоже были близнецы, все до одной, и тоже блестящие! И у каждой такое красивое имя — Иголка... Что же касается самой Бархатной Подушечки, она алая, нежно-алая!

А ещё... Ну конечно: мой лучший друг — Атласный Лоскуток, похожий на маленькое пламя — где он? Да здесь же он, здесь — в нашем доме, в прекрасной плетёной корзинке, стоящей на коленях у Белоснежной Старушки, которая вяжет шарф — самое длиииииинное понятие на свете!

И Клубок-Шерстяных-Зелёных-Ниток счастливо плюхнулся прямо в самую середину этой прекрасной плетёной корзинки — ну и наделал же он дел!.. Корзинка перевернулась, а Белоснежная Старушка наклонилась за ней да тоже перевернулась — ох и долго потом она ворчала, ох и долго собирала в корзинку всё, что оттуда попадало: целую семью хохочущих, визжащих, влюб-лённых друг в друга мелочей! Может быть, иногда в порыве любви кто-то и кольнул кого-то... да между своими чего не бывает!

ОТКРЫТКА С МОРЕМ

В один совсем маленький и совершенно не приморский город отправили Открытку-с-Морем. Отправили её по почте — при этом сначала безо всякой жалости запихнув в узкую щель почтового ящика, а потом ещё и пристукнув какою-то кривой штукой, отчего на обратной стороне Открытки-с-Морем образовалось круглое чернильное пятно с буквами и цифрами.

— Поосторожнее, на мне море!.. Вас бы так пристукнуть по спине, — проворчала Открытка-с-Морем и полетела куда послали, размышляя по дороге о следующих вещах:

«Там, куда меня послали, никто даже и не знает, что такое море... Не знает и понятия не имеет. И все скажут: на данной открытке изображена какая-то синяя чушь! А потом спросят: как она называется-то хоть, эта синяя чушь? Услышат, что — “море”, рассмеются до хохота да и выбросят меня прочь. Да-а-а... нашли тоже куда посылать открытку с морем!»

— Вы почему всё время ворчите на лету? — красивым голосом спросила пролетающая мимо Случайная Пылинка.

— А Вы кто, извините, такая, что я должна отвечать на Ваши не очень вежливые вопросы? — сразу поставила её на место Открытка-с-Морем.

— Я — пролетающая мимо Случайная Пылинка, — сразу сконфузилась Случайная Пылинка, — и Вы, конечно, отнюдь не должны отвечать на мои не очень вежливые вопросы, за которые я немедленно прошу у Вас прощения...

— Ничего, бывает, — смягчилась Открытка-с-Морем. — А ворчу я на лету потому, что меня отправили в один совсем маленький и совершенно не приморский город, в котором, как я понимаю, никто меня не поймёт: там, небось, ни один житель сроду моря не видел.

— Это кто же Вас туда отправил? — удивилась Случайная Пылинка.

— Человек отправил, — вздохнула Открытка-с-Морем. — И нечему тут особенно удивляться.

— Но это же дикость какая-то! — воскликнула Случайная Пылинка. — Попробовал бы меня кто-нибудь куда-нибудь отправить, я бы тогда...

— Что — «Вы бы тогда»? — заинтересовалась Открытка-с-Морем.

— Задала бы я тогда жару! — разбушевалась Случайная Пылинка.

Открытка-с-Морем взглянула на Случайную Пылинку с большим сомнением и полетела дальше: продолжать разговор явно не имело смысла. Она летела и ворчала, походя при этом на какой-нибудь небольшой самолёт: самолёты ведь всё время ворчат на лету.

— Нет, вы только подумайте! Отправлять такую красоту в какой-то медвежий угол и совершенно не заботиться о том, что там с этой красотой будет... Вот возьму сейчас и потеряюсь в пути: в другой раз захотят меня куда-нибудь отправить — подумают сначала хорошенько!

В этот самый момент на неё упало что-то такое холодное... ужасно холодное и немножко мокрое.

— Вот ещё новости! — Открытку-с-Морем просто передёрнуло всю.

— Это не новости — это я, Снежинка...

— То есть как это — Снежинка? — Открытка-с-Морем еле выговорила неизвестное ей слово.

— Очень просто Снежинка, вот как — Снежинка! — обиделась та.

— С чего это Вы обиделись? — удивилась Открытка-с-Морем. — Я просто впервые в жизни вижу такое... существо, потому и спрашиваю. Там, откуда я родом, ничего подобного не бывает.

— А-а... ну, тогда, конечно, я возьму свои слова обратно, учитывая, что Вы из других краёв. И, если желаете, объясню Вам, что снежинка — это такая капелька воды, которая сначала испарилась, а потом замёрзла.

— Как это, простите? — вдумалась Открытка-с-Морем. — Если Вы сначала испарились, то что же потом замёрзло?

— Об этом Вам, может быть, расскажут другие снежинки, потому что я, извините, таю.

Другие снежинки оказались такими же бестолковыми, как первая. Открытке-с-Морем удалось добиться от них только того, что город, в который она летит, — это северный город и что моря там действительно никакого отродясь не бывало.

— Ну и зачем я там нужна? — сокрушилась Открытка-с-Морем. — На мне же всё море замёрзнет навсегда...

Но вот уже северный ветер подхватил её и понёс дальше.

Открытка-с-Морем летела и дрожала как осиновый лист.

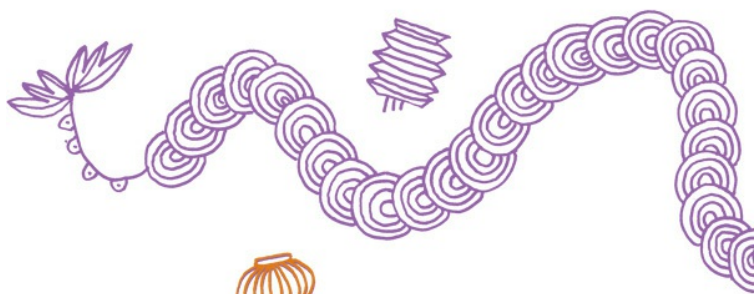
«Надо было не меня сюда отправлять, — отчаянно размышляла она на лету, — а какую-нибудь открытку-с-крепостью! Летела бы себе, как камень...»

...в совсем маленьком и совершенно не приморском городе Открытку-с-Морем встретили плохо: тою же самой кривой штукой пристукнули ещё раз. Впрочем, ей это было уже безразлично — она и слова не сказала. И так же молча позволила запихнуть себя в узкую щель почтового ящика, висевшего на каком-то холодном доме. Ящик был металлический, и она пролежала в нём до вечера, забыв даже, что на ней море...

А очнулась Открытка-с-Морем в чьих-то дрожащих руках.

«Нас помнят, нас любят!» — услышала она радостный голос, и тут... тут её поцеловали — прямо в самое море!

ДРАКОН С КИТАЙСКОГО ХЛАТА

На гвоздике в ванной висел халат. На халате сидел Дракон. Халат привезли из Китая, где драконов пруд пруди, так что Дракон в данном случае был вполне на месте. Уместный такой был Дракон... но всё равно страшноватый, даже несмотря на то, что это не живой дракон был, а вышитый. Шёлковыми нитками: оранжевыми, белыми, зелёными, жёлтыми и красными... Дракон весь блестел и переливался, частично скрываясь под складками, от чего, однако, не казался менее страшноватым.

Недаром Зелёная Муха, случайно залетевшая в ванную, чуть не упала в обморок при виде этого Дракона, а потом уселась на весьма почтительном расстоянии от него и как бы между прочим сказала:

— Сдаюсь.

И принялась ожидать нападения. Но нападения не последовало.

— Он не нападёт, — слышался шёпот из-за полотенца.

— Я битый час за ним наблюдаю...

Зелёная Муха осторожно забралась под полотенце и познакомилась там с Серой Мухой. Та поведала ей, что за всё это время Дракон шевельнулся только один раз: недоволен был, что дверь открыли. А так — сидит спокойно и миролюбиво.

— Просто не надо, наверное, его раздражать, — закончила Серая Муха.

— Я и не собираюсь, — пожалала плечиками Зелёная. — Была охота...

Они ещё немного понаблюдали за Драконом из своего укрытия. Дракон оставался неподвижен.

— Может, он мёртвый... убитый то есть? — шёпотом спросила Зелёная Муха.

— Тогда бы он так не блестел. И не переливался бы!

Что ж, вполне резонно, ничего не скажешь. Мёртвые действительно не блестят и не переливаются — так же, как и убитые: они какие-то тусклые все.

— А он вообще-то натуральный? — опять спросила Зелёная Муха.

— Тш-ш-ш! — зашипела Серая. — Разве можно задавать такие вопросы! Конечно, натуральный... или как, по-вашему?

— По-моему, тоже, — Зелёная Муха чуть-чуть выползла из-под полотенца. — Просто бывают ведь и искусственные драконы...

— Но у него же пламя изо рта! — напомнила Серая Муха.

Зелёная ещё чуть-чуть выползла из-под полотенца и задумчиво произнесла:

— Вот то-то и оно... правда, немножко подозрительно, почему тогда халат не сгорает! А сам по себе Дракон, конечно, кошмарный. В том случае, конечно, если натуральный.

Зелёная Муха выползла из-под полотенца целиком и начала осторожно двигаться в сторону халата.

— Вы что, обезумели? — ужаснулась Серая.

А Зелёная Муха всё перемещалась и перемещалась... Внезапно она остановилась и поманила крылом Серую. Та с величайшей осторожностью подползла к ней.

— Видите, из него нитка болтается? Мне всё больше кажется, что это *вышитый* Дракон!

— Так правдоподобно вышитый? — уточнила рассудительная Серая Муха.

— А что? В искусстве шитья китайцы, как известно, достигли высокого мастерства...

И обе мухи аккуратно поползли по халату в направлении Дракона. Неожиданно Зелёная Муха наступила ему на хвост. Дракон не шелохнулся.

— Конечно, он искусственный! — рассмеялась Зелёная Муха. — Из ниток! И совсем не страшный.

— Ну не скажите... — возразила было Серая, но Зелёная уже ползала по Дракону вдоль и поперёк.

— Вот урод-то, прости Господи! — приговаривала она. — Думает, все его очень боятся, а сам из ниток!

— Вы бы поосторожнее, — робко посоветовала Серая Муха.

Зелёная Муха фыркнула:

— Да чего ж тут осторожничать-то... И не Дракон это вовсе никакой, а так — пресмыкающееся! Разве уважающий себя Дракон позволит, чтобы две простые мухи ползали по нему туда-сюда? У него же чувство собственного достоинства! А у этого никакого достоинства: сидит себе на халате и пресмыкается.

Теперь мухи без опаски разгуливали по разноцветным шёлковым ниткам. Мухи ведь, я забыл сказать, существа и вообще-то глупые... кто ж, кроме мух, испугался бы вышитого на халате Дракона!

— Он не только не страшен — он смешон! — заключила Зелёная Муха. — Распустил гриву в разные стороны и глядит — дурак дураком. Давайте заползём к нему в ухо и скажем какую-нибудь гадость по секрету?

— Давайте, — не заставила себя упрашивать Серая Муха. — Я люблю гадости говорить.

— И я! — призналась Зелёная.

Тут они и заползли в ухо Дракону.

Не знаю, что уж *такое* они ему сказали, но внезапно, когда обе выползли уже из уха, раздалось громкое «щёлк!» — и мухи исчезли в вышитой пасти, не успев даже обменяться взглядами.

И этого давно следовало ожидать, потому что кто же не знает: с драконами шутки плохи... даже если это всего-навсего какой-нибудь дракон с китайского халата!

Пирожки ни с чем редко встречаются в жизни — гораздо чаще в жизни (практически на каждом шагу) встречаются пирожки с чем-то. Взять хоть — и съесть! — пирожок-с-луком или пирожок-с-рисом-и-яйцом... Мы прямо так и спрашиваем, когда покупаем пирожки:

— У вас с чем пирожки?

И обычно нам отвечают, с чем. И это совершенно нормально. Но наша история — о Пирожке-ни-с-Чем. А относиться к этой истории и к этому пирожку можно по-разному: кто как хочет...

— Вы, извиняюсь за любопытство, вот просто-таки *абсолютно* ни с чем? — уже незнамо в который раз поинтересовалась Кулебяка-с-Рыбой.

— Вот просто-таки абсолютно, — уже незнамо в который раз признался честный Пирожок-ни-с-Чем.

Кулебяка-с-Рыбой вздохнула — глубоко и очень лично:

— Это плохо, м-да... Надо быть с рыбой.

— У меня не вышло как-то... быть с рыбой, — особенно не вдаваясь в подробности, счёл наконец необходимым объясниться Пирожок-ни-с-Чем.

— Может быть, Вы и не стремились стать с рыбой?

— По совести говоря, нет... Не стремился. А это необходимо?

Ну вот... Такой вопрос иначе как выпадом и не назовёшь. Причём это выпад не только против Кулебяки-с-Рыбой — данной конкретной Кулебяки с данной конкретной Рыбой —

но и против вообще всякой кулебяки. И, пожалуй, даже не только против кулебяки, а против всех, кто с чем-нибудь. Против всех, кто с чем бы то ни было.

Из Пирожка-с-Вареньем через дырочку в пузе даже вылезло немножко брусники — от ужаса слов Пирожка-ни-с-Чем.

— Ужас Ваших слов, — Пирожок-с-Вареньем так и сказал! — в том, что Ваши слова ужасны.

И в самом деле ужасны... ужасней, пожалуй что, и некуда.

— Прошу прощения за такую большую ужасность моих слов, — воспитанно ответил Пирожок-ни-с-Чем, — но Вы, на-сколько я понимаю и вижу, тоже... как бы сказать, не вполне с рыбой?

— Я вообще не с рыбой, я с вареньем! Однако это дела не меняет. Вы тоже могли бы стать с вареньем, если бы старались.

— Не знаю, как насчёт именно рыбы, — запоздало вмешалась Ватрушка-с-Творогом, — может быть, и не каждый обязан так уж непременно быть с рыбой, но, по крайней мере, с *чем-нибудь* обязан быть каждый. Такова жизнь.

— Какова жизнь? — от всего сердца не понял Пирожок-ни-с-Чем.

— Жизнь сложна! — охотно объяснила Ватрушка-с-Творогом.

— И Вы в любую минуту должны помнить об этом, — подхватила Кулебяка-с-Рыбой.

— Бывают минуты, — немножко подумав, осторожно заметил Пирожок-ни-с-Чем, — когда хочется помнить о чём-нибудь другом... А рыба пусть лучше плавает в реке.

Кулебяка-с-Рыбой и Ватрушка-с-Творогом переглянулись, что могло означать лишь одно: «Ну вот...»

А это, в свою очередь, означало, что ничего другого от Пирожка-ни-с-Чем и не ждали. Из Пирожка-с-Вареньем от дикости последнего заявления Пирожка-ни-с-Чем вылезло через дырочку в пузе ещё немного брусники — и он произнёс почти шёпотом:

— Дикость Ваших слов в том, что Ваши слова дики!

Да уж, что дико, то дико — тут и добавить нечего.

— Мне кажется, — задумчиво и как бы в никуда сказала Кулебяка-с-Рыбой, — Вас вполне устраивает, что Вы Пирожок-ни-с-Чем.

И все они — и высказавшая это суждение Кулебяка-с-Рыбой, и Ватрушка-с-Творогом, и Пирожок-с-Вареньем —

застыли в ожидании ответа, который незамедлительно и последовал:

— Мне жаль, если я кого-то задеваю, но меня — устраивает...

— Тогда Вы вообще не пирожок! — взорвался Пирожок-с-Вареньем, и от взрыва этого из него вылетел в направлении шумевшего неподалёку леса остаток брусники. Правда, Пирожок-с-Вареньем ничего не заметил и продолжал верещать: — Тогда Вы вообще непонятно кто! Пирожок — это если с чем-то, а если ни с чем, то это просто какая-то... плюшка! Или блин!

Он с таким отвращением произнёс «плюшка» и «блин», что Ватрушку-с-Творогом буквально вывернуло наизнанку, от чего из неё тут же вылез весь творог сразу.

— Жизнь сложна! — закричала она изо всех сил. — И каждый должен определиться, кто он такой, с кем он — и так далее!

— Я сам по себе, я ни с кем, — тихо, но твёрдо тут же и определился Пирожок-ни-с-Чем. И совсем уже уверенно закончил: — Я ни с кем и ни с чем. И оставьте меня, пожалуйста, в покое. Я классическую музыку люблю.

— Что-о-о? — чуть не задохнулся Пирожок-в-Прошлом-с-Вареньем, но отдышался и заговорил спокойнее. — Вот возьмём меня: я с вареньем, возьмём Ватрушку: она с творогом...

— Я бы так уже не сказал, — осторожно заметил Пирожок-ни-с-Чем. — В Вас больше нету варенья, а в Ватрушке — творога...

— Зато рыба во мне пока ещё есть! — победоносно перебила его Кулебяка-с-Рыбой, но тут, не выдержав тупости Кулебяки, Рыба выскочила из неё и поплыла по протекавшей мимо полноводной реке, где ей, конечно, и место.

Потому что держать рыбу в кулебяке — это, извините, злодейство.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru